

VI Ассамблея Русского мира
3 ноября 2012 года,
Москва, Колонный зал Дома союзов

Подиумная дискуссия «Год российской истории»
Стенограмма

Ведущий: Никонов Вячеслав Алексеевич, председатель правления фонда «Русский мир», первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, доктор исторических наук.

Участники:

- Вилинбахов Георгий Вадимович, председатель Геральдического совета при Президенте России, заместитель директора Государственного Эрмитажа;
- Злобин Николай Васильевич, директор российских и азиатских программ Института мировой безопасности США;
- Карпов Сергей Павлович, декан исторического факультета МГУ, академик РАН;
- Каррер д'Анкос Элен, постоянный секретарь Французской Академии наук, иностранный член Российской Академии наук;
- Легкоступ Пламен, ректор Великотырновского университета имени святых Кирилла и Мефодия, Болгария;
- Нарочницкая Наталья Алексеевна, президент Фонда исторической перспективы, член попечительского совета фонда «Русский мир»;
- Петров Юрий Александрович, директор Института российской истории РАН;
- Пивоваров Юрий Сергеевич, директор Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, академик РАН;
- Чубарьян Александр Оганович, директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН.

В.А. Никонов

Дорогие друзья, поприветствуем участников подиумной дискуссии. Итак, Русский мир, исторический опыт России, русский язык. Действительно, российская история многогранна и насчитывает уже много веков. Это история государства, которое много дало человечеству и которому человечество обязано многими своими взлетами.

Но что отличает Россию от других стран? Кто-то назовет соборность, коллективизм, самодержавие, православие, народность, природный демократизм. Другие, наоборот, скажут, что Россию отличают авторитаризм, имперская диктатура, всевластие государства, бесправие общества. Многие,

наверно, вспомнят известные слова Владимира Гиляровского о двух российских напастях: о том, что у нас внизу власть тьмы, а наверху тьма власти. Все это, конечно, правда, и все это, по большому счету, неправда. Потому что, конечно, всякое бывало в российской истории, она очень противоречива. Ее изучают во всем мире, и лучшие представители мировой исторической науки находятся сейчас здесь, на этой сцене.

Руководитель Российского исторического общества, который одновременно является председателем Государственной думы Российской Федерации, Сергей Евгеньевич Нарышкин прислал нам приветствие. Он приветствует российских и зарубежных участников и гостей VI Ассамблеи Русского мира.

«Представительный форум открывается накануне Дня народного единства, что особенно символично в Год российской истории.

Смутное время было преодолено благодаря силе народного и государственного духовного единения, которое всегда было и будет выше любых разногласий. Это непреходящий завет нам – современному Русскому миру, объединенному языком, культурой, всей нашей истории.

Желаю участникам VI Ассамблеи Русского мира плодотворной работы и новых инициатив на благо народа России и миллионов наших соотечественников.

Сергей Евгеньевич Нарышкин».

Россия – это очень сложный и совершенно неоднозначный феномен, который плохо понимают не только иностранцы, но и люди, всю жизнь прожившие в нашей стране. Николай Гоголь в 1845 году поражался: «Велико незнание России посреди России. Все живет в иностранных журналах и газетах, а не в земле своей». Так, может быть, Россия непознаваема, и действительно «умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать – в Россию можно только верить»? В этих тютчевских словах чаще всего обращают внимание на первую строку, которую нередко интерпретируют как принципиальную непостижимость России, невозможность понять ее на уровне здравого смысла. Между тем сам Тютчев явно делал упор на необходимость использования специализированных измерительных инструментов, а не общего аршина, а также на необходимость верить в отечество, в силу его особой стати, и сам-то Тютчев, конечно, знал Россию и верил в нее всем сердцем.

С другой стороны, известный поэт-диссидент Игорь Губерман, наоборот, призвал: «Давно пора... – дальше обычно на телевидении идет «пи-пи-пи-пи», – умом Россию понимать». И это тоже призыв, который, безусловно, должен нацеливать нас на конструктивное познание нашей страны.

Недостаточно просто констатировать свое непонимание России, восторгаться ее величию, возмущаться ее несовершенством, как это многие делают. Россию можно понять, если постараться узнать, каковы наши особенности, как они возникли и насколько специфичны, какое место мы

занимаем по основным параметрам развития в сравнении с основными центрами силы, какую роль в российской истории и российской современности играет Русский мир. Не фонд «Русский мир», а Русский мир как огромное цивилизационное понятие.

У нас сегодня замечательные участники панельной дискуссии, и я предложил бы начать обсуждение, учитывая достаточно жесткий временной регламент, Наталью Алексеевну Нарочницкую, которая много писала и размышляла о судьбах Русского мира.

Наталья Алексеевна, что же такое Русский мир – в русской истории и русской современности?

Н.А. Нарочницкая

Дорогие соотечественники, какое счастье быть частью Русского мира – конечно, несовершенного, исполненного глубоких противоречий, но право на духовную историческую сложность – это тоже великое право, и оно у нас есть.

«История, – писал Карамзин, – в некотором смысле есть священная книга народов – главная, необходимая, зеркало их бытия и деятельности, скрижаль откровений и правил, завет предков потомству, дополнение изъяснения настоящего и пример будущего». Как сказано!

Более поздний и не очень хорошо известный русский философ Астафьев говорил, что история философии – главное орудие самосознания человечества и питомник его идеалов. Я думаю, это понятно каждому из нас.

Вячеслав Алексеевич Никонов уже говорил о противоречивых толкованиях нашей русской истории. Наша русская история полна взлетов, падений, грехов, заблуждений, великих свершений. А как иначе? Так же складывается и судьба человека, и судьба человечества. Нам свойственна масса грехов и несовершенств, но они также свойственны другим народам и истории других народов.

Но у нас есть одна черта. Пожалуй, никто, кроме как русские, не относится с таким нигилизмом и с таким экзаменационным пристрастием к собственной истории, мучительно переживая до сих пор то, каким был Иван Грозный: тиран, бросающий вызов даже богу, считавший, что раз он помазанник, значит, ему все дозволено, и он на себя берет миссию орудия бога... И мы перестали бы быть русскими, если бы перестали мучиться этой темой. Ибо западный человек гордится государственными делами своих изуверов, никто не пишет в учебниках о Генрихе VIII как о злодее всех времен и народов, когда он обезглавил не только своих политических противников и жен, но даже гуманиста Томаса Мора. Правда, кто сейчас, после XX века знает, что Томас Мор навлек такой гнев вовсе не своим гуманизмом, а тем, что когда Генрих VIII слепил новую религию и поставил себя во главе церкви, Томас Мор отказался признать авторитет короля выше авторитета бога, и за это сложил голову на плахе.

Дорогие друзья, вот этот нигилизм в отношении собственной русской истории и мучительные переживания ее, особенно – внешней политики, был

свойствен русскому обществу и всем слоям – от придворных историков до либералов и марксистов. Но ведь и отечественная историография XX века, включая советскую с ее классовым подходом, и уже после перестройки, пожалуй, соревновалась в этом отрицании с западной наукой.

Сегодняшнее общество в России тоже не намного благосклоннее. К тому же, в век желанной свободы, мы все так же, как и во времена Пушкина, достаточно ленивы и не любопытны в отношении к собственной истории.

Кстати, полные горечи суждения именно об историческом сознании нашего общества были написаны в эмиграции бывшим ректором Киевского Свято-Владимирского университета профессором Спекторским, чья научная и общественная деятельность продолжилась в эмиграции сначала в Праге, а потом уже в довоенном Белграде, где он стал создателем правоведческой и вообще государствоведческой школы. Сравнивая осмысление обществом своей истории и внешней политики на Западе и в России, Спекторский подметил: «В других странах она всегда находится в тесном взаимодействии с общественным мнением, которое при всем расхождении отдельных лиц и групп в оценке внутренней политики, по вопросам политики внешней или подчиняется указаниям правительства, как в Германии, либо само дает ему указание, как в Англии. У нас же по большей части народ безмолвствовал, а интеллигенция под мощной сенью двуглавого орла позволяла себе роскошь равнодушия или брезгливости. Наше общество злорадно принимало злостные легенды о русской внешней политике. Особенный успех имело утверждение, что наше государство было ненасытным захватчиком и европейским жандармом».

Действительно, сфера исторического образования и воспитания уважения к собственной национальной истории – именно уважения, а не слепого лубочного поклонения всем ее грехам и несовершенствам, – есть питомник мировоззрения, национального самосознания и гражданского становления. Это источник интеллектуального, культурного, духовного энергетического порыва, который нация может и должна ощутить в момент тяжелых испытаний, в момент, когда исчерпали себя предыдущие исторические эксперименты и нужно сформулировать некий исторический проект будущего.

Если уважать свою историю и быть способным подняться панорамно даже над XX веком, то тогда не пробормотала бы наша постсоветская интеллигенция в отношении исторического проекта: «Рынок, пепси-кола». Да, цель привычно-материалистична в такой несложненькой философии истории, и она почти, почти достигнута. Тезис «главное содержание нашей эпохи – переход от капитализма к социализму» мы изучали в курсе научного коммунизма 20-30 лет назад. А сегодня – перевернутый тезис: «главное содержание нашей эпохи – переход от тоталитаризма к демократии».

Нет, русскому человеку мало прожить свою жизнь просто так. Мы ведь не живем, чтобы есть, мы едим, чтобы жить. И поэтому нам нужно ощутить преемственность национального мировоззрения, потому что это главное нематериальное условие национальной безопасности, основа сохранения

воли и интереса к продолжению исторического бытия, исторической жизни России и русских как явления мировой истории и культуры. И здесь мы должны понимать, на каком поприще сейчас Русский мир может сказать свое слово миру, будучи равновеликим игроком мировой истории. На поприще ровных газонов? Да никогда мы не обгоним Европу по части ровных газонов! На поприще валового внутреннего продукта? Нет, на почве духовной и культурной. Вот та ипостась и то место, где Россия и русские могут сказать свое слово, и есть что сказать. Для этого не нужно заворачивающих цифр, этих каббалистических строчек интернета о данных экономики. Для этого должна быть за плечами огромная, полная драматизма и уроков история. Она у нас есть. Важно ее любить и уважать.

Я больше даже обращаюсь к участникам Русского мира здесь, в России: давайте же позаботимся о том, чтобы история заняла достойное место в нашем образовании. Прав Владимир Иванович Якунин: поколение модернизаторов думает, что можно модернизировать Россию с помощью технократов. Нет. Обеспечить преобразования к лучшему могут только духовно и интеллектуально сложные люди, понимающие место России в мироздании, понимающие также, что судоходные реки и незамерзающие порты одинаково нужны и монархиям XVIII века, и коммунистическим государствам, и менторам-демократам XXI века. Да, только такие люди – сохранившие преемственность, связавшие воедино, казалось бы, разорванную навеки нить русской, советской и постсоветской истории, поднявшись над XX веком и поняв, что Россия родилась не в 17-м и не в 91-м году, что жизнь ее протекала на огромном географическом пространстве через тысячелетия. Православное осмысление национальной истории сделало не только личную, но и национальную жизнь даром божьим, который мы должны хранить бережно и передавать потомкам.

В.А. Никонов

Спасибо большое, Наталья Алексеевна. Одно маленькое замечание. На фоне нынешнего европейского кризиса даже наши показатели ВВП не выглядят так безнадежно. Более того, по паритету покупательной способности ВВП Россия обошла уже и Францию, и Великобританию. Но, конечно, пока не показателю ВВП на душу населения.

«Держись, корова из штата Айова», – говорил Хрущев. Я думаю, что «держись корова», в том числе, и из Европейского Союза тоже. Так что у нас шансы не очень плохие.

Когда мы говорим об истории, конечно, мы задумываемся о корнях. Российские корни были славянские, общеславянские, были корни норманнские, и, безусловно, среди корней очень важный, серьезный и до сих пор питающий нашу культуру, – это византийский.

И я сейчас хотел бы передать слово крупнейшему нашему специалисту по Византии, академику РАН, декану исторического факультета Московского государственного университета Сергею Павловичу Карпову.

С.П. Карпов

Большое спасибо, Вячеслав Алексеевич, но я бы говорил шире. О традиции. Что такое традиция, и какую роль она играет в становлении нашей государственности и в становлении каждого из нас. Потому что я уверен, что человека формируют три вещи, и эти три вещи должны быть заложены в систему нашего образования как главные камни.

Первый камень – это наш родной язык и родная литература. Без этого нет человека и нет его самосознания, потому что человек, который не знает своего языка и не читал русской классики, – не русский человек.

Второе, о чем я хотел бы сказать, это, конечно же, знание родной истории во всех ее сложностях, во всех ее переплетениях и трудностях, победах и поражениях, – такой, какая она есть. То есть, второе – это история.

И третье – это знание родного края, знание большой и малой родины. Эти три вещи должны быть в системе образования соединенными.

Поэтому ни в коем случае нельзя подменять серьезное изучение русского языка и русской литературы тестами и другими экспериментами. Нельзя подменять русскую историю эрзац-предметами, которые сейчас распространяются, типа «Россия и мир». Российская история и российский мир должны изучаться как таковые. Точно так же огромное значение имеет наша малая родина: краеведение, все, что с этим связано.

Все это объединяет одно слово – «традиция». И в слове «традиция» воплощено очень много. Воплощена мудрость предков. Нам есть, чем гордиться. Когда приходим в какой-нибудь западный университет: «А, – говорят, – Толстоевский!» Ну, хорошо, «Толстоевский». Но кроме «Толстоевского» у нас есть и другие авторы, в том числе и наши современники, которых надо читать и надо понимать. Это важно.

Наши традиции унаследованы от многих веков, многих поколений людей, живших до нас. Вячеслав Алексеевич сказал о византийской традиции, в том числе. Это одна из наших традиций, но она не воспринималась на Руси автоматически. Она перерабатывалась в соответствии с традициями того народа, который ее принимал. И что здесь было главное? А главное было выражено одной фразой, которую когда-то сказал святитель. Он сказал, что благочестие выше благосостояния. Понимание этого не придет в первом поколении потребителей – я это прекрасно осознаю. Понимание придет во втором, в третьем, в четвертом поколении. Но придет обязательно, потому что спасти надо не только тела и не только дома, но и души, а для этого надо понимать всю нашу огромную духовную традицию.

И когда мы говорим о традиции византийской, мы должны понимать, что это традиция общеевропейская, это традиция великой римской цивилизации, которая была передана затем Византии, славянскому миру, которая была передана и Западной Европе. Вспомните Равенну, вспомните Чефалу, вспомните Монреале, – да многое другое, что приходит на ум сразу же. Это все нас связывает воедино, в единую европейскую семью, обогащенную великой традицией.

Продолжая эту мысль, я хотел бы сказать, что все этапы русской истории для нас драгоценны. И первая задача, которая стоит перед нами, – верификация русской истории, отделение правды от неправды. Потому что неправды очень много, и неправда приходит и от неграмотности, и от необразованности, и от злонамеренности, и от фальсификаций. Наша задача – задача профессионалов – дать верифицированную историю через книги, через сайты, через интернет, и это должно быть апробировано научным сообществом. В этом я вижу главную цель Российского исторического общества, недавно созданного.

И еще об одном. Сейчас мы празднуем Год российской истории – спасибо нашим президентам, и прошлому, и настоящему, которые эту идею поддержали и развили. Но мы должны понимать, что Год российской истории должен быть тысячелетием российской истории, потому что впереди огромнейшие, важнейшие события, мы должны их осмыслить и правильно интерпретировать.

Какие события? Следующий год – Заграничные походы русской армии, продолжение того, что было в 1812 году. Потому что 1813 год закрепил и установил на целое столетие тот порядок, который был в Европе. Затем – 400-летие великой династии Романовых, которые остановили смуту, внесли огромный вклад в историю державы, потому что мало какой народ может гордиться своими династиями так, как мы. Ведь сколько замечательных людей, сколько патриотов России были представителями этой династии! Об этом надо думать.

Дальше: 1914 год. Юбилей великой и оболганной войны. Мы должны говорить об этом, потому что это было действительно выдающееся, важнейшее событие, которое изломало по сути дела не только саму историю России, но и историю Европы. Оно уничтожило, смело с карты мира великие империи. Почему и как это произошло, какова была роль России, – об этом много писал Вячеслав Алексеевич Никонов, спасибо ему за его прекрасную книгу, но это тема должна быть продолжена.

И дальше я мог бы идти по хронологии. Каждый год ознаменован великими событиями нашей истории. Так вот, я призываю к тому, чтобы Год русской истории повторялся каждый год.

В.А. Никонов

Действительно, история российских династий может быть примечательным направлением российской историографии. То, что у нас за всю историю было всего две династии, – это свидетельство достаточно серьезной государственной стабильности и силы российской государственности. Наверное, меньше династий только в Японии, где существует одна династия, которая ведет начало от лучезарной богини Аматерасу, и ее наследники до сих пор правят в Японии. Но если мы возьмем Китай, то там больше сорока династий насчитывается. И династическая история, конечно, может быть исключительно интересной.

Я думаю, если в Европе знают о русской истории, то в основном по жизнеописаниям большого количества представителей российских династий, по общим описаниям российской истории в ее завершенном и незавершенном виде. И, разумеется, по трудам Элен Каррер д'Анкосс, которая является ярким воплощением человека Русского мира, будучи русской по духу, и принадлежащей к замечательному сообществу, которое мы объединяем понятием «Русский мир».

Элен Каррер д'Анкосс

Позвольте мне посмотреть на русскую историю с французской точки зрения, хотя, как говорит Вячеслав Алексеевич, я и русский, и французский человек.

Все знают, что французы не очень одарены к иностранным языкам, хотя они изучают русский язык, но недостаточно, и что они мало понимают географию. Но французы обожают историю, и они судят о народах, изучая их историю.

Знание русской истории во Франции довольно позднее, хотя король Генрих I привез себе супругу из Киева, – это давняя история. Но только в XVIII веке русская история вошла во французское сознание. И неудивительно, поскольку французы любят историю, литературу, язык, – это писатели привезли Россию. Это Вольтер первый начал освещать русскую историю. Он был влюблен в Екатерину Великую, и я скажу, что через историю Екатерины Великой и Петра Первого он представил историю России Франции.

Это сразу стало частью французо-русских отношений. История сблизила обе страны. Большие писатели, такие как Мериме и Виктор Гюго, больше всего упирали на тот факт, что в России длинная, чудная история, которая является частью европейской истории.

Таков был подход. Великие историки писали об истории России во Франции. Французы были, я скажу, знакомы с этой историей. Они любили ее и любили Россию через ее историю. До русской революции.

Все изменилось после русской революции. В советские времена наш взгляд на то, что было русской историей, изменился. Это стал идеологический взгляд, и мы все видели через призму того, что эта история вела к этой революции. Что это означает? Это значит, что у России была не европейская история. Это какая-то специальная история.

Были, я скажу, очень близкие отношения между русскими и французскими историками, мы вместе работали. Александр Оганович Чубарьян знает: мы работали вместе годами. Но все-таки мы уже не видели русскую историю как часть мировой истории, а как какой-то феномен – абсолютно уникальный, который не принадлежит нашей цивилизации. К счастью, двадцать лет тому назад мы вернулись, потому что Россия вернулась в историю, и мы вернулись к историческому подходу.

И теперь именно потому, что французы имеют исторический подход ко всему, вся историческая французская школа заинтересована одним вопросом:

она желает ввести опять Россию в европейскую историю. Мы понимаем, что Россия – часть Европы. Закрыли эту страницу уникального эксперимента в стране, которую мы не понимали, и теперь мы осознаем до какой степени Россия – часть европейской цивилизации. Это важно, потому что мы все знаем, что вошли в совсем новый период мировой истории. Мир изменился. Люди не такие, какими они были. Через интернет, через средства массовой информации люди знают все обо всем, и поэтому каждый может писать историю, как он желает, и поэтому меняются все исторические понятия. Поэтому нужно, чтобы исторические школы были бы сильнее, и чтобы совместно ставили наши общие вопросы: вопросы демократии, гражданского общества, нашей цивилизации.

Я скажу, что русская история вернулась в нашу французскую жизнь, и она вернулась как часть нашей общей цивилизации. Мы понимаем теперь, что мы идем по одной дороге, и что на одних и тех же вопросах мы строим наше будущее.

В России – Год русской истории, во Франции – это тоже год русской истории. В прошлом году был Год России во Франции и Франции в России. Мы собирались, обсуждали наши исторические вопросы. Россия так важна для Франции, мы чувствуем, что так важны сейчас и русский вопрос, и наше сближение, наш путь в общий XXI век, и мы продлили этот год. Такого никогда не было. Это уникальный феномен. Мы продлили этот год с исторической точки зрения. В конце этого месяца в Париже открывается выставка «Интеллигенция». Все-таки русская интеллигенция во Франции питала французскую культуру весь XX век – французское искусство, французский балет, французский театр. Я скажу: французские элиты питались тем, что русская эмиграция принесла. И русская эмиграция первого поколения играет громадную роль во Франции. Сейчас это третье поколение, и это третье поколение всюду. Я сама свидетельница: Французскую академию, которая почти четыре века несет французскую культуру, возглавляет человек русского происхождения. И это тоже доказательство любви к России.

Выставка об интеллигенции построена на архивах Министерства иностранных дел, на самых чудных документах. Что она показывает? Она показывает, что даже в годы Советского Союза духовная жизнь никогда не останавливалась между двумя странами. И что будущее – в новых поколениях, которые мы воспитываем, преподавая им русский язык, как здесь преподают французский язык, преподавая им историю России, как здесь вы изучаете французскую историю.

В.А. Никонов

Спасибо большое, Элен. Правда, сейчас в некоторых словарях – в основном, конечно, англоязычных, – можно прочесть, что интеллигенция – в скобочках (rus), т.е. русское понятие. Считается, что за пределами России вообще интеллигенции нет. И, может быть, это верно, потому что русская интеллигенция – это нечто особенное, отличающееся от того, что понимают

под интеллигенцией во Франции. И все, действительно, сомневаются, существует ли вообще интеллигенция в англосаксонском мире или там одни интеллектуалы. В этом тоже одна из специфических черт, особенностей Русского мира.

Сейчас я хотел бы предоставить слово одному из самых блестящих наших историков – Юрию Сергеевичу Пивоварову, академику РАН, директору Института научной информации по общественным наукам. У него много размышлений о судьбах России, о том, что в основе российской матрицы лежит властократичность, что Россия властократична, и в этом ее специфика. В последние годы много споров о природе российской государственности, особенно в связи с ее 1150-летием.

Юрий Сергеевич, может быть, вы несколько слов скажете о том, как вам видится именно российская государственная властная матрица.

Ю.С. Пивоваров

Я сначала хочу сказать о Годе российской истории. Когда он был объявлен, я про себя скептически подумал: вот будет еще одна торжественная кампания, которая ни к чему, собственно говоря, не приведет. Но теперь я понимаю, что этот год был вовремя объявлен Годом российской истории.

В современном российском образованном обществе идут процессы, которые, говоря словами французского историка Февра, можно назвать «битвой за историю». Наше образованное общество расколото. Есть различные точки зрения. Вот, например, Наталья Алексеевна Нарочницкая и я. Мы придерживаемся, уважая друг друга, очень разных точек зрения на русскую историю. И я думаю, от того, как современное российское общество прочтет свою историю, зависит будущее страны. Вот такая формула: какими глазами прочтем, таково и будет будущее.

Например, я продолжаю дискуссию с Натальей Алексеевной, блистательная речь которой совершенно восхитительна и пленительна. Вы спрашиваете: отчего русские об Иване Грозном говорят, а англичане про Генриха VIII позабыли? Да потому что практика Ивана Грозного продолжалась у нас вплоть до XX столетия. Ведь практика товарища Сталина – это же практика Ивана Васильевича Грозного. Безусловно. Это абсолютная актуальность. От того, как мы прочтем свою историю, будет зависеть наш выбор: мы со Сталиным, мы с Грозным, мы с диктаторами или мы с людьми, которые делали русскую культуру, русскую литературу, с реформаторами, – это очень важно.

У нас 150 лет со дня рождения Столыпина. Все говорят о Столыпине, о его крестьянской реформе. А ведь главное детище Столыпина не это. 6 марта 1907 года, выступая во II Государственной думе, он сформулировал главную задачу России на ближайшие десятилетия, – переход к правовому государству, где крестьянская реформа была лишь важной составной частью. И это абсолютно актуально для нас.

Или, например, Вячеслав Алексеевич говорит, что вот смута, цари. Но ведь смута – это и огромный урок. Как же смута произошла? В чем дело? Почему вдруг мощное государство – постгрозненское – рассыпалось? И что произошло в феврале 1917 года? Последняя блестящая книга Вячеслава Алексеевича этому посвящена. Как это такое мощное государство, как России, имеющее союзников и почти уже выигравшее войну, – и вдруг оно рушится?

Или 1991 год, свидетелями которого мы были. Почему СССР разрушился? Я как историк не могу ответить точно. Значит, есть некая хрупкость российских государственных институтов, при том, что у нас вроде бы мощная власть. Мы должны об этом помнить.

Все сейчас говорят: «смута – это плохо». Конечно. Но во время смуты произошло первое юридическое самоограничение царской власти. Царь Василий Шуйский в 1606 году ограничил свое самодержавие. И это, если угодно, такой демократический ход.

Или то, как была учреждена династия Романовых. На учредительном собрании 1613 года. Избрали.

А что мы сделали в 1918 году с нашим учредительным собранием? Разогнали.

Я думаю, что это мы должны помнить. Знаете, известный американский историк Пайпс говорит: «у России было развитие, но оно неправильное». То есть Россия – девиантная страна. Никогда мы с этим согласиться не сможем. Не потому, что нам жалко Россию, а потому что каждая страна идет по своему пути. Нет девиантных путей. Тот путь России, который мы проделали, – это путь нормативный. Но мы должны знать ошибки на этом нормативном пути.

Наталья Алексеевна говорит: особая духовность. А церковные гонения? А гонения на религию в XX столетии? Где была особая духовность русской церкви? Достоевский еще в XIX веке записывает в дневнике: «Если загорятся одновременно церковь и кабак, русский побежит в кабак, а не спасать церковь». Разве это не урок для нас?

Поэтому я думаю, что дело не в государстве. Я думаю, что дело в обществе и в нас. Российское образованное общество должно выработать некий общий консенсуальный взгляд на российскую историю. Мы не должны бросаться ни в одну из крайностей.

Я должен сказать, что очень правильные, замечательные, чудные слова Пушкина, которые вы цитировали в вашей речи на церемонии открытия, но ведь его адресат – Петр Яковлевич Чаадаев. Все его «Философические письма», его «Апология сумасшедшего» разве не являются тоже правильным, четким, абсолютно необходимым взглядом для России? Когда Чаадаев, например, пишет: «У меня такое впечатление, что Россия идет не со всеми народами, а поодаль, и показывает всем, как не надо делать». Я согласен: бывали периоды, когда мы показывали, как не надо делать, но иногда мы спасали мир, – во время войн, и не только войн. Все это надо иметь в виду.

Что касается российской государственности, то она имеет прочнейшие традиции, и современная конфигурация власти совершенно не случайна, – она коренится и в дореволюционной, и в советской истории. Но, думаю, что она должна в ближайшие десятилетия меняться. Мне кажется, что российское гражданское общество уже созрело, а вот та модель власти, которая существует и существовала у нас столетиями, – она уходит в прошлое. Такое бывало во всех странах: и во Франции, и в Германии, и так далее. То есть перед нами стоят огромные задачи по исследованию нашего исторического прошлого.

И закончу тем, с чего начал. Как прочтем историю, так и будет. Прочтем: «Ура, Сталин!» – будет по-сталински. Прочтем другими глазами – будет по-другому.

В.А. Никонов

Спасибо большое, Юрий Сергеевич. Действительно, Россия – удивительно сильная страна, и, в то же время, удивительно хрупкая. Хотя на планете есть только два государства, которые насчитывают пять столетий суверенной истории. Это Россия и Англия. Все остальные, так или иначе, оказывались под чьей-то властью или становились чьей-то колонией.

Моя точка зрения, что главная причина хрупкости России – это неконсолидированность ее элиты. В России очень сильный элитный раздрай, который неоднократно становился причиной серьезных государственных крушений. Россия практически неуязвима извне, но Россия оказывается очень уязвимой изнутри – с точки зрения позиций ее элитных слоев, которые порой готовы вцепиться друг другу в горло вместо того, чтобы поддерживать национальное единство, праздник которого мы собираемся завтра отмечать.

Российская история всегда была связана с мировой. Она была частью, как я уже говорил, и славянского дома. На будущий год мы будем отмечать 1150-летие славянской письменности. Письменность пришла к нам из тех краев, которые представляет Пламен Легкоступ, ректор Великотырновского университета имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия .

Пламен Легкоступ

«Именно в Болгарии миссия Кирилла и Мефодия получила крепчайшую поддержку и сохранилась для Европы и славян». Эти слова, принадлежащие всемирно известному византологу Дмитрию Успенскому, отмечают исторически предопределенную близость между россиянами и болгарами. Основное связующее звено – это общая православная вера и славянские корни. Отношения между двумя народами до конца X века находятся в сфере экономики и политики. Они бывали как дружественными, так и враждебными.

Принятие христианства в конце X века ведет за собой и принятие алфавита святых Кирилла и Мефодия. Россияне приняли православную веру из Византии, но духовенство состояло преимущественно из священников и монахов болгарского происхождения.

В XII–XIV веках культурные и духовные связи укрепляются. Новая волна болгарского культурного влияния сильнее всего накануне и в первые годы османского владычества на Балканах. Выделяются имена Киприана – митрополита Киевского и Московского и Григория Цамблака – митрополита Киевского и Литовского.

В период XV–XVII веков существенно расходятся истории двух народов. Болгарское государство уничтожено османскими турками. Одновременно Московская Русь вступала в период экономического и политического расцвета. Россия утверждается как лидер православия и хранитель истинных христианских ценностей. Контакты болгар и русских в XV–XVII веках прежде всего осуществлялись на базе общей православной религии. Значительную роль играет и общий язык. С принятием христианства россияне приняли древнеславянский язык как церковный, а сразу после этого он стал и официальным государственным и литературным языком Киевской Руси, а потом и Московского государства.

Русская христианская добродетель и активная антитатарская и антитурецкая политика утвердила Россию дополнительно как основного врага турок в сознании балканских христиан.

Добродетель русских правителей дает свои результаты. Проповеди священников утверждают следующие убеждения: далеко на севере есть большое православное государство во главе с православным царем, патриархом и христианскими ратями.

В XVII веке болгары пытаются оружием завоевать свою свободу и ищут русскую поддержку. В первых рядах Второго тырновского восстания становится потомок Видинского царя Ивана Стратимира. Он поехал в Россию искать помощи. Вместе с племянником патриарха Иоакима Савелием Дубровским Ростислав Стратимирович поехал в Болгарию.

В XVIII веке основной противник Османской империи – это Россия. Войны Екатерины II вызвали надежду на освобождение поработанных христиан. Мирный договор, подписанный в Кючук-Кайнарджи, предоставляет России важную привилегию – быть покровительницей православных христиан Османской империи.

Большую помощь получили балканские христиане для развития просветительского движения. Она выражается в непосредственном финансировании школ, в обеспечении учебниками и учебными пособиями, в выдаче стипендий на обучение в России.

Большая часть болгарской интеллектуальной и политической элиты во время возрождения и после возрождения – русские воспитанники. Среди них мы видим титанов болгарского культурного и церковного движения, известных политиков, формировавших болгарское государство.

В темную эпоху османского владычества болгарское государство исчезает с политической карты Европы, но остается государство духа, как назвал его выдающийся русский ученый – академик Дмитрий Лихачев.

Русские славянофилы призывают к политическому освобождению братьев-славян на Балканском полуострове. Подавление Апрельского

восстания сопровождается массовыми убийствами мирного болгарского населения. Сильнейший отзыв на эти события был в России. Император Александр II объявил войну. В Русско-Турецкой освободительной войне более 60 тысяч русских солдат сложили кости в болгарскую землю. Их памятники являются святыми для поколений болгар, а Шипка символизирует близость двух славянских народов.

XX веке ознаменован многими катаклизмами, войнами, экономическими кризисами, восходом и падением отношений между двумя государствами. Несмотря на все это, отношения между народами России и Болгарии могут быть названы одним словом: «братушки».

Болгария и Россия, мы спокойно можем сказать, что сделали свой вклад в формирование европейской цивилизации. Основой этой христианской цивилизации стал славянский язык, заложенный двумя монахами. Сегодня святые Кирилл и Мефодий признаны духовными учителями всего христианского мира. Они превратились в символ российской культуры и общественных стремлений.

В конце XX века Папа Иоанн Павел II объявил их покровителями Европы. Десятки народов, особенно в русском культурно-историческом пространстве, в XX веке приняли кириллицу как письменность своих национальных языков. Мы можем гордиться тем, что наша общая письменность сохранилась на протяжении больше тысячи лет, и она вместе с нашей православной верой является гарантией, что братские отношения между народами России и Болгарии просуществуют еще века.

В.А. Никонов

Спасибо большое, Пламен. Еще один из феноменов Русского мира: каким образом «братушки» очень часто оказываются по разные стороны? Что-то не так в славянском мире. Нам еще предстоит много работать для того, чтобы совместно идти вперед в этом непросто XXI веке.

Александр Оганович Чубарьян – директор Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН. Вы возглавляете институт, который изучает всемирную историю. Где место Русского мира на карте всемирной истории.

А.О. Чубарьян

Уважаемые коллеги. Должен сказать, что то, о чем мы сегодня говорим, и о чем в России спорят, по крайней мере, два столетия, – наше место в мире, дискуссии о нашей идентичности – это сейчас общемировое явление, а не только применительно к России.

Историческая наука во всем мире находится на переломе. Я участвовал последние 15-20 лет во всех мировых конгрессах, и могу сказать: возникла тенденция к пересмотру устоявшихся оценок и явлений. Идут споры по множеству направлений: что такое империи, новый взгляд на колониализм, резкое изменение понимания соотношения внутренних и внешних факторов,

национальные особенности, регионализм и глобализации исторических оценок.

В этом контексте Россия – органическая часть истории. Когда говорят о разномыслии наших элит, – да, это плохо, когда э подрывается целостность государства, но это, во-первых, общемировое явление, а во-вторых, иногда это становится проявлением гражданского самосознания. Так было и в XIX веке, так происходит и сейчас.

Мы прошли большой путь, я не мог себе представить тридцать лет назад, чтобы мы будем спокойно спорить о том, что есть Россия.

Да, мы прошли этот путь успешно. И в этом смысле я верю, что у нас идет нарастающий процесс укрепления гражданского общества, гражданского самосознания, и наша интеллигенция – или, как принято говорить на Западе, интеллектуалы, – я думаю, достигла больших успехов.

Что касается Русского мира – это феномен, связанный не только с русскими, проживающими за рубежом. Это не только русский язык и русская история. Русский мир должен нами рассматриваться как часть глобального мира, чтобы понимать какое место занимает Русский мир в общей системе мировой цивилизации, насколько велик наш вклад, по каким линиям идет влияние, и как оно идет.

Я думаю, что одной из программ фонда «Русский мир» может стать изучение среды, в которой существует Русский мир в зарубежных странах.

В прошлом месяце мы провели конференцию «Возникновение древнерусской государственности в европейском контексте». Приехало двадцать человек – самые крупные специалисты по английскому государству, по Франции, по Скандинавии, и это было серьезное сравнительно-историческое изучение, которое показало: мы шли в общем русле.

Вы знаете, у нас раскалывается общество на сторонников и противников норманнской теории. Но тот же процесс идет и в Англии. Те же викинги, те же норманны, их взаимоотношение с местным населением, то есть те же споры о соотношении внутренних и внешних факторов.

Здесь мы упомянули 1613 год. Четырехсотлетие, я бы сказал, скорее, не династии Романовых, которая тоже была, но земского собора. Я думаю, что мы посмотрим на это в плане сословно-представительских учреждений. Генеральные штаты во Франции, английский парламент, скандинавские парламентские учреждения, и Россия в этом контексте занимает достойное место.

Я говорю об этом потому, что в течение многих лет в мире проводилась идея об отсталости России. Думаю, эти годы уже прошли, и теперь всем стало видно, что такое Россия. Наша уважаемая Элен Каррер д'Анкосс сказала про Вольтера, но Екатерина II, ее вклад в XVIII век огромен. Если Петр, с моей точки зрения, открыл Россию для европейского бизнеса, то Екатерина II и Елизавета Петровна, недооцененная у нас еще, открыли Россию для интеллектуалов Европы и привезли европейские мысли в Россию. Процесс взаимообогащения шел и продолжает идти по всему миру.

Что касается разномыслия элит, так оно всегда было. Важно то, что наша элита на протяжении всей истории консолидировалась перед внешней опасностью. А внутренние разногласия – нормальный процесс.

В.А. Никонов

Спасибо большое, Александр Оганович. Что касается элит. Возьмем ситуацию с I мировой войной: как раз консолидация элиты во время войны оказалась большой проблемой для нашей страны. То же самое во время смуты – деконсолидация элиты перед угрозой внешней опасности. Элита не консолидировалась, когда Лжедмитрий повел свои войска. Наоборот, очень многие к нему примкнули. Поэтому у нас, к сожалению, элита деконсолидируется и в моменты опасности тоже. Конечно, когда идет нормальное развитие – это не страшно, но когда возникает внешняя опасность, то для страны это не очень хорошо.

А.О. Чубарьян

Но 1812-й год...

В.А. Никонов

1812 год был исключением. Большим.

А.О. Чубарьян

И 1941-й год. Консолидация в условиях такого жесткого существования, которое было в стране, – это дорогого стоит!

В.А. Никонов

Это правда. Но при этом... Вот сейчас выборы на Украине, и 10% получает партия, которая заявляет, что на правильной стороне истории был Бандера с Шухевичем, а не Советский Союз, поэтому говорить о полной консолидации не получается...

Переносимся опять через страны и континенты. Николай Васильевич Злобин, которого все вы знаете. Он представляет, безусловно, советскую и российскую историческую школу, в то же время на протяжении многих лет живет и работает в Соединенных Штатах – в стране с очень маленькой историей, но, тем не менее, которая всех учит, как надо жить, в том числе, как изучать свою историю.

Пожалуйста, Николай Васильевич, как выглядит наш исторический путь с российско-американской точки зрения?

Н.В. Злобин

Мы с Вячеславом Алексеевичем вместе закончили исторический факультет МГУ, тут целая группа товарищей, которые закончили этот факультет, и я должен сказать, что чувствую качество исторического образования, которое получил в МГУ. Надо признать, мы получили

замечательное историческое образование, и сегодня исторический факультет МГУ, в общем, остается на высоте.

Я действительно живу в США и часто оказываюсь вовлеченным в дискуссии по российской политике и российской истории. Я понимаю, что здесь не та аудитория, которой надо доказывать величие России. Мы все знаем: Россия – великая страна, у России – великая история. Я остановлюсь на несколько иных проблемах.

Возвращаясь к США, начну с того, что там любые дискуссии по российской истории, как правило, приводят к расколу дискутирующих, – на тех, кто начинает Россию защищать, и на тех, кто начинает на нее нападать, на тех, кто любит Россию, и на тех, кто ее ненавидит.

За два десятилетия жизни в Америке и участия в этих дискуссиях, я ни разу не видел, чтобы история России оставляла людей равнодушными.

И одна из причин, почему Россия, дискуссии по ее истории и политике не оставляют никого равнодушными, на мой взгляд, заключается в том, что мир знает, какую роль Россия играла в становлении нынешней мировой цивилизации. Огромную роль. И, по-моему, хуже всего это знают в самой России. Мир знает роль России в мировой цивилизации лучше, чем это знают и понимают, или хотят понимать россияне. Это очень важная проблема.

Я недавно разговаривал с одним из самых влиятельных и авторитетных российских политиков. Разговор, в частности, шел об истории. И он мне сказал: «Знаешь, бессмысленно, наверно, поднимать сейчас историю. Еще несколько поколений у нас не будет нормальной, профессиональной истории. Она уничтожена. У нас уничтожены гуманитарные науки. Они не восстановятся. Надо развивать технические науки, надо развивать творчество – музыку, литературу. А чтобы восстановить историю, социологию, философию – нужны поколения».

Я с ним отчасти согласился, отчасти нет, но проблема действительно есть. Поднимать российскую историю надо. Здесь сидят блестящие российские историки, но их мало. Нужно всеобщее движение, может быть, всемирное движение за восстановление российской истории. Чтобы российский народ понял, что он играл колоссальную роль в этой истории и начал сам себя за это уважать.

Выскажу такую мысль: России повезло – у нее была великая литература. Но России не повезло, потому что, на мой взгляд, великая литература затмила историю и философию. Истории и философии мы учились у писателей. Мы учили войну 1812 года у Льва Толстого или у Лермонтова. Традиции русской литературы – мне кажется, великой, наверное, лучшей мировой литературы XIX века, – привели к тому, что история, философия и другие гуманитарные науки оказались на втором плане. И когда качество этой литературы в советские годы, а уж тем более – сейчас, стало падать, а привычка говорить об истории, основываясь на беллетристике, сохранилась, мы столкнулись с тем, что профессиональная история продолжает оставаться в загоне.

Это очень важная задача – восстановление серьезной профессиональной истории, основанной на архивах, объективности, разнообразии мнений, с участием всего Русского мира – не просто российских историков, а с участием архивов и привлечением специалистов, которые есть по всему миру.

Следующая проблема, на которую я хотел бы обратить внимание, – современный мир конкурирует не по тем критериям, к которым мы привыкли в XIX, может быть, в XX веке. Если Россия не сможет объяснить миру себя и доказать свое место в мировой цивилизации, то за нее это сделают другие. Очень важно понимать, что пустого места не будет. Если Россия изымает себя из серьезного исторического процесса, из участия в дискуссиях, в формировании нового мирового порядка, в том числе, нового интеллектуального мирового порядка, то за нее это сделают в лучшем случае равнодушные к ней люди, а, скорее всего, ее враги. Вот это надо иметь в виду.

В.А. Никонов

Спасибо большое, Николай Васильевич. Я соглашусь, что Россия была сильна не своей философией, а, скорее, историософией. Я считаю, что российская историческая школа была замечательна. Во всяком случае, все те западные ученые, которые говорят, что нам надо развивать свою историографию, по большей части, переписали труды русских историков.

Н.В. Злобин

Истфак МГУ, в основном. И в те годы, и в эти.

В.А. Никонов

Помимо истфака МГУ не надо обижать и другие центры, которые в стране существуют, которые представляют здесь наши уважаемые участники дискуссии.

Я сейчас хотел бы предоставить слово заместителю директора Государственного Эрмитажа, председателю Геральдического совета при президенте Российской Федерации Георгию Вадимовичу Вилинбахову, который является крупнейшим специалистом не только по геральдике, но и вообще по символике.

Символизм российской истории – наверное, об этом хотелось бы вас спросить.

Г.В. Вилинбахов

Спасибо, Вячеслав Алексеевич. Вы почти задали мне тему выступления, но, учитывая очень сжатое время, мне хотелось бы говорить не столько о символике, хотя символика и геральдика – очень важные вещи, а немного о другом.

Продолжая то, о чем говорил Владимир Иванович Якунин на церемонии открытия Ассамблеи, о тех угрозах и вызовах, которые у нас есть,

мне бы хотелось сказать о том, как хранится наша историческая память: библиотеки, архивы, музеи.

Мы знаем людей, которые их хранят. Но проблема возникает из отношения власти, государства к нашей исторической памяти.

Мы видели как общественность смогла спасти Российский исторический архив. Напомню ту коллизию, которая была в Петербурге, когда предполагали Российский исторический архив временно перевезти в некие ангары, а в здании сената и синода разместить гостиницу. И тогда интеллигенция встала на защиту архива, и архив был спасен. Были приняты решения о том, что должно быть сначала построено новое здание, оснащено всем необходимым, и только тогда туда может перевозиться архив. Этот пример показывает: когда мы неравнодушны, есть возможность повлиять на какие-то решения.

Сейчас стало очень модным слово «оптимизация». Мы его встречаем в самых разных сферах. И это слово, с моей точки зрения, – отражает некую ползучую опасность. Появляются оптимизаторы, менеджеры, управленцы, которые считают, что они могут все. Они могут руководить музеями, они могут руководить архивами и библиотеками. Профессионалы – музейщики, библиотекари, архивисты – не нужны, а нужны менеджеры, которые знают, как использовать национальные фонды, это историческое достояние. Они-де смогут организовать так, чтобы была самоокупаемость, чтобы это приносило средства, и так далее.

Мы помним недавнюю историю, которая была связана с Музеем декоративно-прикладного искусства в Москве, когда такие топ-менеджеры быстро придумали, как можно превратить его в музей дизайна, плюс к этому – максимально «оптимизировать» использование исторического здания, фондов, и так далее. К сожалению, появление этой тенденции мне кажется очень опасным, потому что людей штучных профессий, можно так сказать о библиотекарях, архивистах, музейщиках, начинают рассматривать просто как кладовщиков. Приходят менеджеры, и они объясняют, как нужно делать, а вы – кладовщики, вы только храните.

Мы знаем о той опасности, которую тоже удалось предотвратить благодаря интеллигенции, когда были «замечательные» идеи: объединить, превратить в филиалы все военные музеи нашей страны. Не нужен Центральный военно-морской музей, не нужен Артиллерийский музей, – это будут филиалы Центрального музея вооруженных сил. Что такое филиалы, мы прекрасно знаем. Потом появляется следующая идея – оптимизация фондов. Зачем хранить такое количество вещей, когда они все принадлежат одному музею? Давайте оставим несколько вещей. Что сделать с остальными? Мы знаем, чем это кончалось в 20–30-е годы, – распродажи, аукционы, утрата памятников, которые являются нашим национальным достоянием.

Мне кажется, что в Год истории мы должны об этом серьезно думать, серьезно об этом говорить, и чем активнее мы будем противодействовать оптимизаторам, тем у нас больше надежды на будущее, потому что мы

сохраним нашу историческую память, а, сохранив нашу историческую память, мы обеспечим и будущее нашей страны.

В.А. Никонов

Последний по порядку, но далеко не по значению, директор Института российской истории Российской академии наук Юрий Александрович Петров.

Ю.А. Петров

Мне как представителю Института российской истории всегда хочется сказать, что для нас-то каждый год – это Год российской истории.

Тем не менее, этот год был особенный. Юрий Сергеевич Пивоваров здесь поделился своим сомнением: не будет ли это очередной кампанией. Я хочу напомнить, что этот год никто нам не навязывал, идея появилась в прошлом году на летней встрече с президентом Дмитрием Анатольевичем Медведевым. Группа историков предложила эту идею, поскольку, действительно, в 2012-м году сошлось много славных юбилеев. Нам очень приятно, что власть соответствующим образом отреагировала на наше предложение, и этот год, я считаю, сыграл заметную роль, в том числе, для российской исторической науки.

Я не вполне согласен с теми негативными и мрачными прогнозами по поводу российской исторической науки, которые прозвучали у Николая Васильевича Злобина. Я сам закончил истфак МГУ и учился у вашего батюшки – Василия Ивановича Злобина, так что пока мы живы, я думаю, не так уж все и плохо, – не стоит ставить крест на нашей исторической науке. Но, действительно, этот год сыграл роль хорошей встряски. Он взбудрил наше историческое сообщество.

Несколько дней назад в Минобрнауки прошло совещание по итогам года. Заседал оргкомитет. Там были представлены весьма впечатляющие результаты: десятки научных конференций, монографий, трудов, выставок, фестивалей, олимпиад. Интерес общества к истории в этом году как-то очень сильно проявился.

Но будем иметь в виду, что на этом годе наша история не завершается, и, продолжая тему, хотел бы напомнить дату, которая сегодня здесь еще не звучала. В недалеком будущем – через пять лет – нас ожидает столетие российской революции. Эта дата, я думаю, будет очень важна – и для всей страны в целом, и особенно для российского исторического сообщества. Мы должны дать, наконец, современную достоверную картину того, что произошло 95 лет назад, и подвести некий исторический итог этим событиям – кардинальным событиям в истории нашей страны.

Мы живем двадцать лет уже в постсоветском обществе, создается достаточно много исторических трудов, открылись ранее закрытые архивы, настоящая архивная революция произошла в исторической науке, пишется много книг, и они разные по содержанию, потому что наука это и есть

разномыслие. В отличие от элит, в науке разномыслие не только не противопоказано, но даже приветствуется. Все это хорошо.

Но нам нужна, мне кажется, новая национальная история, и Институт российской истории с такой инициативой выступил. Мы взяли на себя роль инициатора этого проекта, который должен объединить всех историков-русистов и России, и Русского мира, и лучших профессионалов зарубежных стран.

Есть серьезные опасности в этом направлении. Первая из них – внешняя. Все наши бывшие союзные республики сейчас пишут свои национальные истории. И пишут их, я бы сказал, иногда с очень антироссийских позиций. Недавно обсуждался проспект двадцатитомной истории Казахстана, и там периоду вхождения Казахстана в состав Российской Империи посвящено два тома. Один том называется «Казахстан – колония России», второй – «Национально-освободительная борьба». Вот это все, что казахские историки считают нужным упомянуть о нашем почти двухсотлетнем совместном существовании.

Конечно же, это вызывает у нас совершенно определенные реакции. Мы с казахскими коллегами вели дискуссии и, к счастью, сумели преодолеть ненужные и, я бы сказал, неуклюжие формулировки, но подобная проблема существует и в отношении других бывших союзных республик.

Вторая проблема – внутренняя. Зайдите в книжный магазин и посмотрите, что продается в разделах истории. Там 90% цветастых броских книжечек, в которых авторы обещают раскрыть все секреты, вывести на чистую воду историков-обманщиков, рассказать всю правду, но это, на самом деле, ложь и фальсификации, и мы должны этому противостоять. Мне кажется, что наша новая история должна быть заслоном против этого потока лжи. Надеюсь, что она будет консолидирующим фактором в нашем историческом сообществе и в целом в России. И, конечно же, она не будет новым «кратким курсом», поскольку мы собираемся вести открытую научную дискуссию. В этом смысле перспективы изучения российской истории мне представляются скорее позитивными.

В.А. Никонов

Спасибо большое за оптимизм, Юрий Александрович.

Я полагаю, это была очень интересная, содержательная, полезная дискуссия, где поставлены проблемы и намечены перспективы.

У России непростая история. Она очень противоречива. Веками святость здесь уживалась с варварством, героические порывы с апатией, безалаберностью, тяга к порядку с не менее сильной тягой к вседозволенности, ожидание перемен и сопротивление всяким переменам.

Что касается пафоса нашей дискуссии, наверное, лучше всего выразить его словами нашего замечательного философа Георгия Федотова. Он говорил: «Надо понять, что позади нас не история города Глупова, а трагическая история великой страны, – ущербленная, изувеченная, но все же великая история. И эту историю предстоит написать заново».

Спасибо.